

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-202-211

© А. И. Любжин

«РОССИЯДА» М. М. ХЕРАСКОВА И ПОЭМА Ж. ШАПЛЕНА «LA PUCELLE OU LA FRANCE DÉLIVRÉE»

Благодаря Г. Р. Державина за помощь в трудную минуту, М. М. Херасков писал ему: «Когда мне думать о мартинистах и подобных тому здорах? Когда? будучи вседневно занята моей должностью — моими музами — чтением стихотворцев, моих руководителей».¹ По-видимому, по крайней мере в последнем пункте, поэт не лукавил, и значительная часть его времени была уделена чтению поэтических произведений — что составляет, разумеется, существенную проблему для позднейших исследователей, вынужденных считать с тем, что его круг чтения может быть сколь угодно широк. Вопрос о новоевропейских эпических источниках Хераскова² нуждается в дальнейшем рассмотрении. Ниже мы представляем одно из возможных дополнений и сравниваем эпос Хераскова с поэмой Жана Шаплена (Jean Chapelain, 4 декабря 1595 — 22 февраля 1674) «La Pucelle ou La France délivrée»,³ явившейся в свет в 1656 году.

Сразу следует сказать, что имя Шаплена у Хераскова не упоминается нигде, когда дается перечень эпиков, заслуживающих подражания, — ни в предисловии к «Россиаде»,⁴ ни в позднем (1805 года) стихотворении «Поэт», ни в повестях «Кадм и Гармония» и «Полидор». А вот высокую оценку знаменитой пародии Вольтера Херасков высказывает:

После Ганрияды славимой
Орлеанку сочинил Волтер,
Повесть шуточную, вредную,
Вредную, но остроумную.⁵

Но отсутствие упоминания Шаплена не является возражением против его использования; критерий попадания в соответствующие списки, как и умолчания — сам по себе сложный и неочевидный сюжет. Во всяком случае Херасков составляет их с учетом репутации того или иного эпика.⁶ Отметим, что и эстетические взгляды Хераскова в целом никогда не излагаются систематически, о них можно судить по репликам и оценкам, а прежде всего — по художественной практике. Оба эти вопроса заслуживают отдельных исследований.

¹ Соч. Державина с объяснительными прим. Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5. Переписка. С. 780 (письмо от 8 декабря 1791 года; № 692).

² Любжин А. И. Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // Русская литература. 2010. № 1. С. 3–25.

³ La Pucelle ou La France délivrée. Poëme héroïque. Par M. Chapelain. Paris: Chez Augustin Courbé, 1656.

⁴ «Взгляд на эпические поэмы», с. XV–XX издания 1796 года. В двух первых изданиях этот раздел предисловия еще не появляется.

⁵ [Херасков М. М.]. Бахарияна, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. М.: В типографии Платона Бекетова, 1803. С. 5.

⁶ В качестве аналогичного примера умолчания приведем пример Силия Италика. Он не упоминается у Хераскова, хотя, по-видимому, именно ему поэт обязан самым знаменитым своим местом — царством Зимы (у Силия в альпийских горах, у Хераскова — в кавказских). См. подробнее: Любжин А. И. Силий Италик: к истории рецепции // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVI. 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 474–485.

Первый вопрос, на который нам надлежит ответить, — не является ли печальная знаменитость данной эпической поэмы препятствием к самой постановке вопроса? Отношение к Шаплону в интеллектуальных и творческих кругах менялось и меняется. Крупнейший специалист по эпохе Людовика XIV Франсуа Блюш отмечает: «Шаплена затмили великие „классики“, над ним насмеялся Буало, но — об этом забыли — к 1667 году он был тем, чем Поль Валери станет в 1937-м, символом ума в сочетании с поэзией».⁷ Автор фундаментального исследования о Шаплоне считает реабилитацию невозможной и формулирует весьма жесткое отношение к поэме в V главе своего труда,⁸ фиксирует первоначальный успех поэмы («поэму читали, зевая, но зевали украдкой»)⁹ и рассказывает историю ее падения в глазах современников. А. П. Сумароков в «Эпистоле II» относит Шапелена (мы сохраняем авторское написание имени), наряду с Прадоном, к числу стихотворцев, у которых «искусства нет или рассудок худ»,¹⁰ а в комедии «Чудовищи» он уподобляется Тредиактовскому¹¹ (это не только фактор личного отношения, но и элемент полемики в контексте соревнования барокко и классицизма, или, если угодно, духовной семинарии и кадетского корпуса).

Если мы примем версию, что Шаплен с его творчеством был актуален для Хераскова (мы попытаемся обосновать ее ниже), мы сталкиваемся с проблемой, которая непременно должна была встать перед русским поэтом: Н. Буало нигде не оставил развернутого критического суждения о своей жертве. Напрасно было бы и ожидать этого, учитывая его боевые жанры — эпиграмму и сатиру. Эпиграмма 11 гласит:

Maudit soit l'auteur dur dont l'âpre et rude verve,
Son cerveau tenaillant, rima malgré Minerve,
Et, de son lourd marteau martelant le bon sens,
A fait de méchants vers douze fois douze cents!¹²

Здесь два упрека: один — стилистический, другой — не столь настойчивый — относительно объема: много дурных стихов — бедствие, но если бы они были хороши, вряд ли Буало стал бы предъявлять претензии: этот объем (определенный им правильно) примерно соответствует «Одиссее» и уступает «Илиаде». В предисловии мимодоход говорится, что о целом нужно судить не по части;¹³ общий размах замысла

⁷ *Bluche F.* Louis XIV. [Paris], 1986. P. 241. Здесь и далее пер. с фр. мой. — А. Л.

⁸ *Collas G.* Un poète protecteur des Lettres au XVIIe siècle: Jean Chapelain. 1595–1674. Etude historique et littéraire d'après des documents inédits. Par Georges Collas. Paris, 1912. P. VI, 205–255.

⁹ *Ibid.* P. 257. Первоначальному успеху поэмы посвящена VIII глава (P. 256–292), роли Буало — X (P. 444–463). Автор поддерживает тезис, что ярость нападок Буало была вызвана принципиальными, а не личными причинами, и обусловлена высоким статусом Шаплена. Собственно эстетический характер претензий подробно не рассматривается. Несколько иначе — больше внимания уделяя интересам, меньше принципам, но также без эстетического анализа — излагает дело А. Фабр (*Fabre A.* Les ennemis de Chapelain. Paris, 1888. P. 663–664 et al.).

¹⁰ *Сумароков А. П.* Избр. произведения. Л., 1957. С. 116.

¹¹ *Сумароков А. П.* Чудовищи // Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе... М., 1781. Ч. 5. С. 297.

¹² *Boileau N.* Œuvres poétiques. Paris, 1872. Т. 2. P. 193–194. Пер.: «Будь проклят жесткий автор, чей талант, шероховатый и грубый, пытая клещами его мозг, рифмовал вопреки Минерве, и, молотя молотом здравый смысл, создал двенадцать раз по двенадцати сотен больных стихов». Полагаем, что фраза А. С. Пушкина из письма к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 года («Правое с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой Россиады» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 3)) — реминисценция этой эпиграммы (тем более что имя Буало присутствует в письме), и тогда для юного поэта Херасков выступает как реинкарнация Шаплена.

¹³ «Пусть они ни хвалят, ни порицают ее строение, не видав ее целиком и не имев возможности проверить, согласуется ли начало с серединой и соответствует ли конец тому и другому» (*Chapelain J.* La Pucelle ou La France délivrée. Poème heroïque. Par M. Chapelain. Troisième édition revue & retouchée. Paris, 1657. P. [60–61]. Вопрос, каким именно изданием пользовался Херасков, пожалуй, не может получить сколько-нибудь убедительного ответа. Здесь и далее поэма Шаплена цитируется по данному изданию, ссылки на него приводятся в тексте сокращенно: Chapelain, с указанием номера страницы).

(24 песни, сопоставимые уже с Ариосто) не был секретом в литературных кругах, но, поскольку Буало об этом молчит, мы не имеем оснований интерпретировать этот громадный объем в контексте его эпиграммы. Другие упоминания дают мало дополнительной пищи для размышления. В том же стилистическом духе — IV сатира: «ses durs vers, d'épithètes enflés», с продолжением:

...ses vers et sans force et sans grâces,
 Montés sur deux grands mots, comme sur deux échasses;
 Ses termes sans raison l'un de l'autre écartés,
 Et ses froids ornemens à la ligne plantés?¹⁴

Во французской перспективе второй половины XVII века с репутацией Шаплена было покончено. Но если бы мы отвлеклись от этого фона и рассматривали дело с чистого листа, скорее всего, мы взглянули бы на него иначе. «Шероховатый» стиль в противовес «гладкому» не кажется нам достойным заведомого отвержения; ему не противоречат в глазах наших современников ни талант, ни поэтический масштаб, и те, кто обладает архаическими вкусами, еще и предпочтут тех, кто идет по этому пути дальше. Близкая аналогия — репутация С. С. Боброва.¹⁵ Следует, однако, рассмотреть и перспективу самого М. М. Хераскова.

Несомненно, с точки зрения языка он близок к Сумарокову и является представителем кадетского корпуса, а не духовной академии. В этом смысле взгляды Буало должны были найти доступ к его сердцу.¹⁶ Но — по другому поводу — Д. П. Ивинский пронизательно отмечает относительно Хераскова и его круга, но прежде всего, конечно, самого Хераскова: «...борьбу рассматривали как дело второстепенное, а на первый план выдвигалось представление о ценности сделанного обоими антагонистами», Ломоносовым и Сумароковым, «хотели не противостояния, а синтеза, не разъединения, а консолидации <...>, стремились сочетать открытые ими возможности».¹⁷ Этот под-

¹⁴ *Boileau N. Œuvres poétiques. Т. 2. Р. 102. Пер.: «...его жесткие стихи, надутые эпитетами»; «...его стихи, без силы и обаяния, поднимающиеся на двух длинных словах, как на ходулях, его бессмысленные выражения, отталкивающиеся одно от другого, и холодные украшения, посаженные по линейке». IX сатира, где о Шаплене написано больше всего, не содержит собственно эстетических соображений (Ibid. Т. 1. Р. 140 et al.). Жюльен Дюшен, автор книги об эпических поэтах Франции, пишет: «Если образование, сила суждения, правильность композиции, благородство чувств и часто — языка, были бы достаточны, чтобы рекомендовать потомству труд воображения, — Шаплен, по всей видимости, сохранил бы ранг, который ему долго позволяло удерживать уважение современников. Но ему недоставало главной заслуги в поэзии, — красоты стиля» (*Duchesne J. Histoire des poèmes épiques français du XVIIe siècle. Paris, 1870. Р. 203*). Ср. суждение Сен-Марка Жирардена: «Почему поэма Шаплена, где характер героини благороден и величествен, чувства возвышенны, иногда встречаются прекрасные стихи, — почему эта поэма заслужила такую немилость? К несчастью, Шаплен явился во время революции в языке. Он явился тогда, когда язык не был твердо установлен, до Буало и до Расина. Эти основатели нашего языка разрушили созданным ими стилем стиль Шаплена... Чтобы жить со стилем, предшествовавшим стилю Буало и Расина, нужно было иметь гений Корнеля... Шаплен, у которого не было гения, а был талант, — Шаплен стал жертвой стиля своего времени и был предан им» (*Saint-Marc Girardin. La Pucelle de Chapelain et La Pucelle de Voltaire. I. Chapelain // Revue des Deux Mondes. 1838. Quatrième Série. Vol. 15. № 6. 15 Septembre. Р. 837*). Современная исследовательница идет дальше и пишет о «незаслуженном остракизме» (*Goupillaud L. Chapelain recoiffé par Perrault: une apologie paradoxale de La Pucelle // Dix-septième siècle. 2002. Iss. 2. № 215. Р. 344*).*

¹⁵ См., например, прекрасное издание «Рассвета полночи» и «Херсониды» и очень теплое по интонации послесловие составителя: *Коровин В. Л. Поэзия Боброва и русская литература в конце XVIII — начале XIX в. // Бобров С. С. Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. / Изд. подг. В. Л. Коровин. М., 2008. Т. 2. С. 427–494 (сер. «Литературные памятники»).*

¹⁶ К сожалению, А. М. Песков в труде, специально посвященном Буало в русском контексте, не ставит вопроса о влиянии его взглядов на Хераскова (возможно, чувствуя материал недостаточным), ограничиваясь установлением, что Буало был образцом для русских метапоэтических текстов, в том числе и Хераскова: *Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989. С. 31–32.*

¹⁷ *Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX веков. М., 2018. С. 83, 95.*

ход, как представляется, можно рассматривать в более универсальном ключе, нежели повод, по которому он сформулирован. Потому, хотя, несомненно, мнения Буало были авторитетны для Хераскова, от него не стоило ожидать полного отторжения идеи об использовании шапленовских находок (тем более и с Буало он не был согласен во всем — «мишура Тассо» встречается в той же IX сатире, а Херасков, очевидно, был более высокого мнения о феррарском эпике). Потому — как мы попытаемся показать, — при дистанцировании на микроуровне, со структурной точки зрения Херасков не игнорирует опус Шаплена.

Прежде чем перейти к наблюдениям, которые позволят доказать генетическую связь эпосов, продемонстрируем одну несостоявшуюся параллель, которая поможет подчеркнуть разницу и увидеть, в чем Херасков прислушался к советам Буало. Описание колесницы Агнес у Шаплена занимает 20 стихов (мы приведем его частично):

Le corps en est de cedre, & sa noble structure
D'un grand & large throsne imite la figure,
Bas deuant, haut derriere, avec art trouaillé,
Et, par tout le dehors, en diamans taillé.
En forme d'eschiquier, leurs pointes compassées
Luisent d'or & d'argent, par ordre, entrelacées,
Et quand l'Astre du jour de ses rayons les bat,
L'une à l'enui de l'autre accroissent leur éclat.
(Chapelain, p. 206)¹⁸

Сумбека сравнивается с Фетидой, «седающей с скипетром в жемчужной колеснице»,¹⁹ описание состоит из одного эпитета — Буало, с иронией писавший в «Поэтическом искусстве» о подробных описаниях дворцов,²⁰ был бы доволен. Теперь, зафиксировав различие (которое не позволяет нам в грядущем рассчитывать на текстуальную близость), перейдем к точкам пересечения.

Наиболее важными локальными заимствованиями представляются два, не относящиеся к эпической топики: в начале II песни «Pucelle» Жанна, прежде чем прибегнуть к оружию, пишет англичанам:

Tandis qu'ainsi se leue & s'assemble l'armée,
La celeste Guerriere au Palais renfermée,
Auant que de tonner sur le rebelle Anglois,
De sa fortune encor luy veut donner le choix.
Auant que de le perdre, elle veut qu'il entende
Ce que du Roy des Roys le decret luy commande <...>
Et l'esprit du Seigneur animant son esprit,
Dicte à sa forte main ce genereux escrit.
(Chapelain, p. 35)²¹

Мизансцена у Хераскова несколько иная. Соответствующий эпизод располагается в начале VII песни, и пишет сам царь по совету своего друга Адашева, но с такими же

¹⁸ Пер.: «Ее тело из кедра, и его благородный состав подражает внешности большого и широкого трона, впереди она низкая, сзади высокая, сработана с искусством и извне дерево резное, как бриллианты. В шахматном порядке, их тщательно соразмеренные вершины светятся золотом и серебром, правильно чередуясь, и, когда светило дня бьет по ним своими лучами, они наперебой увеличивают отблеск».

¹⁹ Херасков М. М. Россияда, поэма эпическая // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., 1796. Ч. 1. С. 253. Здесь и далее поэма Хераскова цитируется по данному изданию, ссылки на него приводятся в тексте сокращенно: Херасков, с указанием номера страницы.

²⁰ Voileau N. Œuvres poétiques. Т. 1. P. 205.

²¹ Пер.: «Пока таким образом набирают и собирают войско, небесная Воительница, запершись во дворце, прежде чем ударить громом на мятежного англичанина, хочет дать ему еще возможность выбрать судьбу. Прежде чем погубить его, она желает, чтобы он понял, что предписывает ему постановление Царя царей... и, пока разом Господень воодушевляет ее разум, диктует своей отважной руке это великодушное писание».

мотивами (Херасков, с. 157). Предвосхищая будущие рассуждения, отметим упоминание мятежа в обоих случаях.

Ты прав во подвигах, но ты имеешь средство,
 Без брани отвратить от стран полночных бедство;
 Яви Божественной величество души,
 Отправь посла в Казань, к твоим врагам пиши:
 Когда свирепость их и наглость усмирится,
 Мятеж отринется, гордыня покорится;
 Когда грабеж назад и пленных отдадут,
 Твои на дерзкий град перуны не падут;
 Великодушием ты больше славен будешь...

Вторая важная точка пересечения — пленение самых доблестных бойцов в сходных обстоятельствах. На сей раз близки и точки привязки. Дюнуа в XI песни преследует англичан и проникает в Париж; за его спиной опускается решетка ворот; он сражается, но враги, сильные числом, окружают его и грозят смертью; он попадает в плен к своей прежней возлюбленной Марии (Chapelain, p. 349–354). Херасков, как обычно, гораздо более лаконичен, вводя пленение князя Палецкого в конце X песни:

Но в чувство Палецкий меж тем уже пришел;
 Он взоры томные на рыцарей возвел;
 Бегут они! вскричал... и скорбь пренебрегает;
 Коня пускает в след, за ними в град влетает;
 Он гонит, бьет, разит, отмщеньем ослеплен;
 Сомкнулись вдруг врата, и Князь поиман в плен.
 (Херасков, с. 275)

Есть еще значимые параллели — первая на сей раз на мильтоновском фоне. В III книге Шаплена Сатана, обиженный на Францию, оказавшую множество услуг христианству, которой он хочет отомстить за свою повергнутую власть («son Empire abbattu»), в унынии посылает на землю легион демонов, чтобы поддержать англичан, которые держат открытой дверь для ереси (Chapelain, p. 80 et al.). У Хераскова в VII книге на стороне казанцев выступает Безбожие, удрученное близким падением своего царства и раздающее поручения своим клеветам (Херасков, с. 160 след.).

В X книге Жанна останавливает разъяренное войско, мстящее горожанам за гибель герольда (Chapelain, p. 331); Иоанн в XII книге удерживает своих воинов не от насилий, а от грабежа (Херасков, с. 324 след.); впрочем, грабеж упоминается в указанном месте и у Шаплена); аллегория Стыда, которая встречается в данном месте у Хераскова —

В румяном облаке Стыд хищникам явился,
 Корысти блеск погас и в дым преобразился;
 На крыльях мужества обратно в град летят,
 За малодушие свое Казани мстят, —

встречается и у Шаплена:

Aux plus sombres replis des magnanimes ames,
 Parmi ce que le Ciel y respand de ses flammes,
 Le corps formé de glace, & l'esprit de splendeur,
 Aux regards des humains se cache la Pudeur.
 Vn large voile blanc la couvre toute entiere,
 Elle baisse la veuë, elle craint la lumiere...
 (Chapelain, p. 331)²²

²² Пер.: «В самых темных складках отважных душ, среди того, что Небо распространяет там из своего пламени, с телом изо льда и с духом из блеска, прячется Стыд от человеческих взглядов. Широкий белый покров скрывает его целиком, он опускает очи долу и боится света...»

Есть точки пересечения и в технике каталога.²³ Херасковский уникален тем, что там нет имен — только географические названия. Каталог Шаплена не проводит этот принцип последовательно, но имена вождей даются у него не для всех отрядов. Приведем один пример, который, кроме этого обстоятельства, дает интересную параллель.²⁴

Lusignan si connu, dont Chypre, en sa misere,
Non sans contentement, le souuenir reuere,
Berceau de tant de Roys aux Soldans opposés,
Pour ce grand armement, a ses murs espuisés.
(Chapelain, p. 179)

Ср. в «Россияде»:

Любовь к отечеству берега опустошает,
Которые Двина струями орошает...
(Херасков, с. 119)

Есть некоторые мотивы сходства в описании подземного мира:

L'Orgueil ambitieux, la Colere brutale,
L'Auare faim de l'or, l'Incontinence sale,
La Paresse, l'Enuie, & l'Appetit gourmand
Ont tous là leur supplice, & tous diuersement.
Là sont diuers cachots, là sont diuerses gesnes;
On n'entend, là, que fouëts, que secousses de chaines,
Que plaintiues clameurs, que grincemens de dents,
Que sanglots redoublés, & que souspirs ardens.
(Chapelain, p. 287–288)²⁵

Ср. в «Россияде»:

Там самолюбие, увидя адско дно,
Познало, что тщетой прельщалося оно;
Постигнув райского веселия изрядство,
Познало тлен сребра, несытое богатство,
И слезы от него, которые текли,
Как огненна роса богатых тени жгли.
Там сладострастие весь ад пронзает стоном,
Имея равну часть во тме со Иксионом:
Являются еще прелестны тени им,
Коснутся их устам и превратятся в дым;
Там вечный терпит хлад угрюмая измена;
Мучитель вокруг себя кровавы зрит знамена,
Трепещущи тела, мечи, оковы, глад,
Которы от него скрывают Божий град...
(Херасков, с. 81)

²³ О технике херасковского каталога см.: Любжин А. И. Техника эпического каталога в «Россияде» Хераскова // *Муїца*. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002.

²⁴ Пер.: «Столь известный Лузиньян, чью память не без удовлетворения в своем несчастье чтит Кипр, колыбель такого числа королей, противостоящих султанам, ради этого великого вооружения истощил свои стены».

²⁵ Пер.: «Честолюбивая Гордыня, грубый Гнев, жадный до золота Голод, грязная Невоздержанность, Лень, Скука, сластолюбивое Чревоугодие — все обретают там свою кару, и все — различную. Там есть различные камеры, там — различные утеснения, и не слышно ничего, кроме бичей и бряцанья цепей, кроме жалобных криков, кроме скрежета зубового, кроме удвоенных всхлипов и пылких вздохов».

Этот список параллельных мест можно было бы умножить.²⁶ Полагаем, однако, что приведенных достаточно, чтобы продемонстрировать высокую вероятность как знакомства Хераскова с поэмой Шаплена, так и ее использования. И сейчас остается сказать о наиболее важном, структурном заимствовании, которое, на наш взгляд, осуществил Херасков у Шаплена, — о «языке ненависти» в «Россияде», где ключевым обозначением действий противника является слово «мятеж».²⁷

В «Историческом предисловии» к «Россияде» мятежники упоминаются только внутренние, там не имеются в виду казанские или крымские татары («неспокойство внутренних ее мятежников, вовсе изнуряющих свое отечество», «мятежников в недрах отечества» — Херасков, с. X, XI). Слово «мятежник» употребляется лишь один раз, как будет видно ниже; но о мятежах применительно к Орде речь идет неоднократно:

Еще восточную России древней часть
Заволжских наглых Орд обременяла власть;
На наших пленниках гремели там оковы,
Кипели мятежи, расли злодейства новы...

Умыслив дать пример Казани горделивой,
Едва вступил в Свияжск сей Царь миролюбивой,
С увещанием и кротостию слов,
Оливну ветвь вручив, послал туда послов;
Велел мятежникам кичливья Казани
Мир вечный предложить или кровавы брани.
Ведущая меня доньше на Парнас,
О Муза! укроти на время трубный глас.
Послы грядут в Казань со миром, не с войною;
В сей град, мятежный град, прежди и ты со мною;
Поведай прежних бедств Алеевых вину;
Разврат его представь, дай лиру, петь начну!
Под лунною чертой Дух темный обитает,
Который день и ночь по всем странам летает;
Раждает он вражды между земных Князей,
Раждает мятежи, разрывы меж друзей...

(Херасков, с. 2, 223)

Здесь есть — отметим — еще одна важная параллель: у Шаплена Сатана делает своими хитростями из французских принцев мятежников и тиранов французского монарха (Chapelain, p. 81).

Нередко мятежный характер действий Казани связан с фигурой царя Алея:

Он чайл, покорив с Сумбекою Казань,
Прислать из ней в Москву с присягой вскоре дань;
Мятежные сердца Ордынцов успокоить,
Их наглость обуздать, всеобщий мир устроить...

Уже Алей Казань мятежну успокоил,
И к миру он сердца людей своих устроил,

²⁶ Иногда, напротив, появляются параллельные места небольшого объема в совершенно различном контексте. Дюнуа говорит жителям Орлеана, собираясь сжечь город: «Rendons nous, par la flamme, vn peu moins miserables» («станем, с помощью этого пламени, немного меньше несчастными» — Chapelain, p. 6). Ср. у Хераскова: «Стал меньше в наши дни несчастен человек», «Несчастну меньше быть принужу я тебя» (Херасков, с. 83, 153).

²⁷ Интересно, что М. М. Щербатов, который придерживается той же логики, слово «мятеж» применительно к казанцам не употребляет: он говорит о «бунте» (см., например: *Щербатов М. М. История российская от древнейших времен.* СПб., 1786. Т. 5. Ч. 1. С. 293), «бунтующем народе» (Там же. С. 310), «возмущении» (Там же. С. 305–306, 305; ср. «возмутительное и всегда ко изменам склонное расположение народа Казанского» — Там же. С. 311), а также о «смущении» (Там же. С. 305).

Союз готовился с Москвой запечатлеть;
Но искра мятежа не преставала тлеть...

Для изъявления усердия моего,
Мятежную Орду на веки забываю;
Что совесть мне велит, России открываю...

(Херасков, с. 96, 108, 258 —

в последнем случае говорит друг Алея, Гирей)

Самое важное место, где речь идет о верховных правах Иоанна и Москвы:

Предпочитающий сражениям союзы,
С Казанца пленного снимает тяжки узы;
Велит его во град мятежный отпустить,
И тамо их Царю с народом возвестить,
Что рока близкого себя они избавят,
Когда Россиянам их древний град оставят;
Или врата свои Монарху отворя,
Примут от него законы и Царя,
И тако возвратят наследие и правы
Обиженной от них Российския державы...

(Херасков, с. 315–316)

Херасков не указывает, на каком основании Иоанн считает Казань своей законной собственностью. Он, по-видимому, имеет в виду поход 1487 года, подчинивший на время Казань Москве. Об этом, в частности, повествует «Казанский летописец».²⁸ Иногда речь в «Россиаде» идет не о мятежах, а о бунтах; эти контексты вовлекают в сферу данной логики и Крым:

Орда, нарушив мир, оковы разрывала,
И злобой движима, мутилась, бунтовала...

Уже со множеством бунтующих Татар
Рязань опустошил Хан Крымский Исканар...

Однако твоему совету внемля благу,
Пошлю в Казань послов, лишь придем на Свягу;
Но, друг мой, можно ли когда поверить нам,
Злодейством дышущим и бунтами странам?

(Херасков, с. 3, 122, 157)

Как мы увидим ниже, у Шаплена основа «языка ненависти» по отношению к англичанам — не только «мятежники», но и «тираны». У Хераскова такое словоупотребление отсутствует, «тиран» у него — жестокий правитель, причем не только ордынский (Херасков, с. 85, 188, 278). Однако глагол «тиранить» у него может означать «мучить» (а «тиранство» — мучения):

Орда невольников тиранит христианских...

Тиранства вымыслы, орудия боязни...

И князя пленного тиранить приказал.

(Херасков, с. 265, 277, 278)

²⁸ «И се второе тогда Казань взята бысть от Москвы от начала ея в лето 6995-го года, июля в 9 день, на память священномученика Пагкратия. И посади на Казани великий князь Иоанн Васильевич служащаго своего царя Махмет-Аминя Ибеговича, приехавшаго ис Казани к Москве з братом своим Ибделятифом служити великому князю. И дан бысть ему от него в вотчину град Кошира, другому же брату иныя грады» (Казанская История // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 328, 330).

Как аналогичная лексика использовалась у Шаплена? Слово «rebelle(s)» применительно к англичанам встречается весьма часто с самого начала поэмы:

Il voyoit de l'Anglois, à son Sceptre, rebelle
Prosperer chaque jour l'Entreprise crüe...e...

Ce bras et l'instrument de son iuste courroux,
Et bien tost le Rebelle esprouuera ses coups...

La Sainte alors reprend: Puisqu'il le veut ainsi,
Perisse en son orgueil le Rebelle endurci...
(Chapelain, p. 5, 26, 43)²⁹

Шаплен точно указывает основания, в силу которых англичане являются мятежниками (хотя его образованный читатель, несомненно, лучше знал французскую историю, чем мог знать историю России читатель Хераскова): Эдуард приносит присягу лилиям за две большие провинции и признает себя вассалом французов, чьим соперником он был (Chapelain, p. 225). Это эпизод из VII книги, где события Столетней войны представлены в виде живописной галереи. Интересно, что для внутренних мятежников предпочитаются (не всегда) синонимы: *mutin*, *revolte*, *trouble* (Chapelain, p. 376–377).

Не столь многочисленны, но далеко не единичны употребления слова «тираны» («тиран») по отношению к англичанам:

Nous reuiendrons armés, en belliqueux torrens,
D'vn cours impetüeux fondre sur nos Tyrans...

Ah! remontés, Soldats, & mesprisant la mort,
Sur le corps des Tyrans, suyués moy dans ce Fort.
(Chapelain, p. 23, 73)³⁰

Есть один случай, вполне аналогичный употребленному Херасковым «тиранству»:

Mais, dans vn traitement plus indigne & plus rude,
La Sainte, ne tesmoigne aucune inquietude;
Elle benit les fers s'accommode au malheur,
Et mesme avec plaisir esprouue la douleur.
Elle aime des Anglois la dure tyrannie,
Elle aime sa misere, & son ignominie...
(Chapelain, p. 397)³¹

Разумеется, наши соображения носят вероятностный характер; но, полагаем, совокупность представленных параллелей делает версию об обращении М. М. Хераскова к эпосе Ж. Шаплена достаточно убедительной. Херасков учитывал репутацию Шаплена и не игнорировал критику Буало; тем не менее он полагал, что некоторые удачные и подходящие места из подвергнутого осмеянию эпоса подлежат заимствованию.

²⁹ Пер.: «Он видел, как ежедневно продвигается вперед жестокое предприятие англичанина, мятежника против его скипетра»; «Эта рука — орудие его (Бога. — А. Л.) справедливого гнева, и вскоре Мятежник испытает ее удары»; «Тогда Святая подхватывает: поскольку он того хочет, да погибнет в своей гордыне ожесточившийся мятежник». Число примеров может быть многократно умножено.

³⁰ Пер.: «Мы вернемся с оружием, воинственными потоками, обрушиться бурным стремлением на наших тиранов»; «Ах! навверх, солдаты, и, презирая смерть, по телу тиранов, следуйте за мной в этом форте». Число примеров также может быть умножено.

³¹ Пер.: «Но, при более недостойном и грубом обращении, Святая не выказывает ни малейшего беспокойства; она благословляет свои оковы, принаравливается к несчастью и даже с удовольствием испытывает боль. Она любит жестокое тиранство англичан, она любит свою нищету и позор».

По большей части это структурные элементы (письмо к врагам, продиктованное желанием избежать кровопролития; пленение самого доблестного воина, который проник во вражеский город в одиночку и за которым запираются ворота; действия inferнальных сил в поддержку стороны, враждебной протагонисту, и др.). Оформление их у Хераскова очень отличается от шапленова; при этом есть и немногочисленные пересечения на микроуровне. Но самая важная точка пересечения — оформление «языка ненависти», который представляет враждебную сторону как мятежников.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-211-218

© Н. Ю. Аветян

НОВЫЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В. А. И Е. Е. ЖУКОВСКИХ

В рамках дискурса о появлении фотографии исследователям нередко приходится сталкиваться с расхожим мнением о том, что два года, отделяющие рождение новой визуальной технологии от момента гибели А. С. Пушкина, лишили потомков возможности иметь «подлинный» портрет поэта. При всей кажущейся тщетности подобных рассуждений, в них кроется значительная доля рационального, ведь с самого начала фотографию рассматривали как инструмент, наиболее точно фиксирующий окружающую действительность. Следовательно, дагеротипный портрет Пушкина, как «первого и полного представителя нашей физиономии», должен был стать самым совершенным светописным воспроизведением эпохи.¹ Это с одной стороны, с другой — фотографический снимок воспринимается как подлинный исторический документ, показывающий реальный облик человека. Процесс персонификации фотографических изображений может быть сопряжен с определенными трудностями. Особенно в тех случаях, когда речь идет об иконографии известных людей, в которой преобладают живописные и графические произведения, появление фотографий нередко вызывает чувства удивления и необходимость приятия нового образа. Причина, как нам кажется, заключается в том, что снимок воспринимается зачастую как слепок момента, который фиксирует в человеке сиюминутное, в то время как портреты, созданные рукой художника, дают обобщенное понимание личности. Утверждение верно лишь отчасти, поскольку мгновенный взгляд порою способен дать более точный рисунок сущности. Это притягивало и отталкивало современников в новом искусстве, вызвало острую полемику в художественной среде. Но сколь бы ни были различными мнения, и противники и сторонники прибегли к помощи светописы, чтобы запечатлеть свои образы. Благодаря этому нам известны в настоящее время уникальные дагеротипные изображения М. И. Глинки, К. П. Брюллова, Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева и др. Исполненные в разные годы любителями и профессиональными мастерами, эти существующие в единственном экземпляре снимки имеют, помимо исторической и художественной ценности, еще одно важное в контексте нашего исследования достоинство — это безупречный провенанс. Происхождение из личных архивов деятелей культуры, упоминания о них в литературе и экспонирование на выставках служат вескими аргументами при атрибуции фотографий. Значительно труднее подтвердить справедливость предположений, когда в нашем распоряжении произведение, о котором практически нет сведений.

Примером могут служить парные портреты неизвестных из семейного альбома, хранящегося в собрании Государственного Эрмитажа. С самого начала исследования

¹ Цит. по: Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А. А. Собр. соч. / Под ред. В. Ф. Саводника. М., 1915. Вып. 6. С. 12.

26. *Naiman A. G.* Rasskazy o Anne Akhmatovoi. M., 1989.
27. *Naiman A.* Velikaia dusha (Iz knigi «Slavnyi konets besslavnykh pokolenii») // Oktibr'. 1997. № 8.
28. *Nesterov A. V.* Koleso Fortuny. Reprezentatsiia cheloveka i mira v angliiskoi kul'ture nachala Novogo veka. M., 2015.
29. *Ozerov L. A.* Razroznennye zapisi // Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi. M., 1991.
30. *Peshkov I. V.* «Gamlet» v blikakh idei M. Bakhtina, ili Tri repliki strannogo vremeni // Khronotop i okrestnosti. Ufa, 2011.
31. *Polevoi V. M.* Iskusstvo Gretsii. Drevnii mir. M., 1990.
32. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1948. T. 3. Kn. 1; 4; 8. Kn. 1.
33. *Retsepter V. E.* «Eto dlia tebia na vsiu zhizn'...» (A. Akhmatova i «Shekspirovskii vopros») // Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi. M., 1991.
34. *Shekspir U.* Poln. sobr. soch.: V 8 t. M., 1960. T. 6.
35. *Takho-Godi A. A.* Zhizn' kak stsenicheskaia igra v predstavlenii drevnikh grekov // Grecheskaia kul'tura v mifakh, simvolakh i terminakh / Sost. i obshch. red. A. A. Takho-Godi. SPb., 1999.
36. *Temnenko G. M.* Anna Akhmatova: opyty intertekstual'nykh i immanentnykh prochtenii. Simferopol', 2013.
37. *Timenchik R. D.* Pamiati Anatolii Naimana (1936–2022) // «Strakh i Muza»: Akhmatova, Mandel'shtam i ikh vremia. Materialy mezhdunar. konf. Moskva — Sankt-Peterburg, 17–21 ianvaria 2022 g. M., 2023.
38. *Timenchik R. D.* Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody: V 2 t. M.; Ierusalim, 2014.
39. *Vilenkin V. Ia.* V sto pervom zerkale. M., 1987.
40. *Wells D.* Three Functions of the Classical in Akhmatova's Poetry // The Speech of Unknown Eyes: Akhmatova's Readers on her Poetry. Nottingham, 1990. Vol. 2.
41. Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966) / Sost., podg. teksta K. N. Suvorovoi; vstup. stat'ia E. G. Gershtein; nauchnoe konsul'tirovanie, vvodnye zametki k zapisnym knizhkam, ukazateli V. A. Chernykh. M.; Torino, 1996.
42. *Zholkovskii A. K., Shcheglov Iu. K.* Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty — Tema — Priemy — Tekst. M., 1996.
43. *Zhukovskii V. A.* Sobr. soch.: V 4 t. M.; L., 1959. T. 1.

Алексей Игоревич Любжин

научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) ФПМИ Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт»; профессор Центра академического образования АНО ВО «РУМТ»

Alexey Igorevich Lyubzhin

Research Fellow, Laboratory for Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History, FPMI, National Research University «Moscow Institute of Physics and Technology»; Professor, Autonomous noncommercial organization of higher education «Russian University of Metatechnologies»

ORCID: 0000-0001-8322-1762

vultur@mail.ru

«РОССИЯДА» М. М. ХЕРАСКОВА И ПОЭМА Ж. ШАПЛЕНА «LA PUCELLE OU LA FRANCE DÉLIVRÉE»

M. M. KHERASKOV'S ROSSIADA AND J. CHAPELAIN'S POEM LA PUCELLE OU LA FRANCE DÉLIVRÉE

В статье рассматриваются точки пересечения между эпическими поэмами Ж. Шаплена «La Pucelle ou La France délivrée» («Дева, или Освобожденная Франция») и «Россиадой» М. М. Хераскова. Количество и качество этих точек, выходящих за рамки «общих мест», позволяет утверждать:

Шаплен был использован Херасковым как источник значимых, хотя и локальных структурных элементов. К числу наиболее важных заимствований относится обозначение врагов как «*rebelles*» («мятежников»), имеющее опору как во французской, так и в русской истории.

Ключевые слова: эпическая поэма, рецепция, XVII век, XVIII век, Ж. Шаплен, М. М. Херасков, «Россияда».

The article examines the points of intersection between two epic poems: *La Pucelle ou La France délivrée* (*The Maiden, or Liberated France*) by J. Chapelain and *Rossiada* by M. M. Kheraskov. The quantity and quality of these points, that go beyond «banalities», lead to the following assertion: Kheraskov used Chapelain as a source of significant, albeit localized, structural elements. Among the most important borrowings is the designation of enemies as *rebelles*, the word that is grounded in both French and Russian history.

Key words: epic poem, reception, 17th century, 18th century, J. Chapelain, M. M. Kheraskov, *Rossiada*.

Список литературы

1. Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX веков. М., 2018.
2. Казанская История // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985.
3. Коровин В. Л. Поэзия Боброва и русская литература в конце XVIII — начале XIX в. // Бобров С. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. / Изд. подг. В. Л. Коровин. М., 2008 (сер. «Литературные памятники»).
4. Любжин А. И. Новоевропейский эпос в «Россияде» Хераскова // Русская литература. 2010. № 1.
5. Любжин А. И. Силий Италик: к истории рецепции // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVI. 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012.
6. Любжин А. И. Техника эпического каталога в «Россияде» Хераскова // Мvημα. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань, 2002.
7. Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937. Т. 13.
9. Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.).
10. Bluche F. Louis XIV. [Paris], 1986.
11. Goupillaud L. Chapelain recoiffé par Perrault: une apologie paradoxale de *La Pucelle* // Dix-septième siècle. 2002. Iss. 2. № 215.

References

1. Bluche F. Louis XIV. [Paris], 1986.
2. Goupillaud L. Chapelain recoiffé par Perrault: une apologie paradoxale de *La Pucelle* // Dix-septième siècle. 2002. Iss. 2. № 215.
3. Ivinskii D. P. M. M. Kheraskov i russkaia literatura XVIII — nachala XIX vekov. M., 2018.
4. Kazanskaia Istoriia // Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. Seredina XVI veka. M., 1985.
5. Korovin V. L. Poeziia Bobrova i russkaia literatura v kontse XVIII — nachale XIX v. // Bobrov S. Rassvet polnochi. Khersonida: V 2 t. / Izd. podg. V. L. Korovin. M., 2008 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
6. Liubzhin A. I. Novoeuropeiskii epos v «Rossiade» Kheraskova // Russkaia literatura. 2010. № 1.
7. Liubzhin A. I. Silii Italik: k istorii retseptsii // Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya — XVI. 18–20 iyunia 2012 g. SPb., 2012.
8. Liubzhin A. I. Tekhnika epicheskogo kataloga v «Rossiade» Kheraskova // Mvημα. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi pamiati professora Vladimira Danilovicha Zhigunina. Kazan', 2002.
9. Peskov A. M. Bualo v russkoi literature XVIII — pervoi treti XIX veka. M., 1989.
10. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937. T. 13.
11. Sumarokov A. P. Izbr. proizvedeniia / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. P. N. Berkova. L., 1957 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).